

Буря длилась недолго, к глубокой ночи она стихла, перейдя в нежный перезвон капель. Ритмичные стук капель о оконное стекло создавали нескончаемый гул природного белого шума.

Такие моменты были идеальны, чтобы свернуться калачиком под одеялом и заснуть под звук дождя.

Но сегодня судьба предрешила исход двух беспокойных душ.

Чэнь Сюй лежал в темноте с открытыми глазами. Несмотря на множество событий дня, самый яркий образ, засевший в его сознании, — это покрасневшие глаза Цзи Чуньсяо и так и не упавшие слёзы.

Знакомая боль глодала его сердце; он был слишком мягок, особенно к тем, кого любил, всегда идя на уступки.

Видеть, как Цзи Чуньсяо больно, было для него неизбежно мучительно.

Но Чэнь Сюй не жалел.

Его слова Цзи Чуньсяо о том, что он хочет высказать всё, что накопилось, не были сказаны сгоряча.

Еще до своего перерождения он думал сделать перерыв; их отношения были проблемными, хотя Цзи Чуньсяо, казалось, никогда этого не замечал.

Было трудно строго определить, кто прав, а кто виноват. Чэнь Сюй думал, что это просто вопрос несовместимости характеров.

Цзи Чуньсяо происходил из богатой семьи и, будучи единственным сыном, был избалован родителями, что привело к сильному чувству собственной правоты и неспособности справиться с малейшими неудобствами, хотя он был мастером в том, чтобы помыкать другими.

Чэнь Сюй же всегда был тем ребёнком, которого все описывали как самого послушного и разумного.

Его родители рано занялись бизнесом, и он остался на попечении родственников. Растя в таких обстоятельствах, у Чэнь Сюя не было выбора, кроме как быть уступчивым.

Он давно привык идти на компромиссы, быть незамеченным и ставить других на первое место.

Сюй Кэ как-то намекнул, что у него синдром приспособленчества.

Чэнь Сюй подумал и кивнул в согласии.

С юных лет все сигналы вокруг него, как явные, так и скрытые, твердили, что симпатии достойны только хорошие, послушные дети.

Поэтому, сталкиваясь с тем, кого он любил, Чэнь Сюй инстинктивно принижал свои собственные потребности.

Дома он брал на себя все домашние обязанности и голодал, чтобы сэкономить деньги для родителей.

Когда он влюбился в Цзи Чуньсяо, он охотно играл роль заботливого возлюбленного, чтобы завоевать расположение молодого хозяина.

Казалось, это был единственный путь заслужить любовь.

Но после пяти лет вместе, по мере углубления их чувств, он не мог не желать иногда большего от своего партнера.

Иногда Чэнь Сюй хотел, чтобы он мог перестать прикладывать столько усилий, угождая и потакая Цзи Чуньсяо.

В конце концов, это был человек, которого он любил.

Он фантазировал, что даже если он не всегда будет таким уступчивым, Цзи Чуньсяо всё равно будет любить его.

Но эта укоренившаяся покорность была глубокой проблемой, которую не исправить за одну ночь.

Иногда, когда Чэнь Сюй набирался смелости, чтобы быть немного эгоистичным, достаточно было Цзи Чуньсяо спросить:

— Чэнь Сюй, ты что, больше меня не любишь?

И, как собака Павлова, Чэнь Сюй немедленно отступал и умолял о прощении.

Все это было из любви, что он заботился, уступал и баловал Цзи Чуньсяо.

Но казалось, что только делая всё это, он был достоин привязанности Цзи Чуньсяо.

К двадцати двум годам Чэнь Сюй всё ещё завидовал детям, которые могли капризно отказаться идти и быть унесёнными домой на руках отцов, или девушкам, которые могли свободно спорить со своими возлюбленными.

Он жаждал любви, которая не была бы основана на угождении кому-либо.

Но Цзи Чуньсяо так и не понял.

Избалованный молодой хозяин семьи Цзи никогда не заботился о мыслях других. Он просто требовал:

— Чэнь Сюй, я хочу рыбу в кисло-сладком соусе, приготовь мне, или — Чэнь Сюй, завяжи мне галстук, мне лень.

Чэнь Сюй всё ещё любил Цзи Чуньсяо, но он уставал.

Трения и терпение стали утомительными; Чэнь Сюй думал, что проблемы нужно решать, или, возможно, пришло время всё прояснить и сделать перерыв.

Но, прежде чем он успел завести разговор, неожиданная автомобильная авария перенесла его обратно в старшую школу.

Казалось, сама судьба исправляла его курс.

На другом конце города, в особняке семьи Цзи, ярко горел свет.

Молодой хозяин снова на что-то злился, не поужинал и, хлопнув дверью, не выходил из своей комнаты.

Теплый свет настольной лампы отбрасывал нежное кольцо света; лицо Цзи Чуньсяо было отмечено явным раздражением, пока он размышлял над словами Чэнь Сюя о том, что тот «не того лизнул».

Это Сун Мин принёс Чэнь Сюю еду.

Сун Мина — вот кем хотел угодить Чэнь Сюй.

Сун Мина — вот кого Чэнь Сюй должен был по-настоящему любить.

Одна лишь мысль об этом была невыносима для Цзи Чуньсяо; каждый вдох был уколом боли.

Возможность того, что Чэнь Сюй будет с кем-то другим, была нестерпима.

«Не того лизнул», так что с того?

Что значили тогда их пять лет вместе?

Неужели Чэнь Сюй действительно хочет так легко от него избавиться?

Смесь неверия и боли онемяли его сердце; Цзи Чуньсяо даже вообразил: если бы только та еда была от него.

Или, что темнее, если бы Чэнь Сюй никогда этого не осознал.

Стал бы тогда Чэнь Сюй жить с ним до старости?

Снова постучали в дверь, голос матери:

— Чуньсяо? Ты не ужинал, выйди хотя бы попить суп.

— Его лично приготовила тётя Ван, и она до сих пор не спит в такой час. Тебе стоит выпить немного, чтобы оценить её усилия.

— В такой час?

Цзи Чуньсяо взглянул на часы: часовая стрелка только что перешла за двенадцать.

Разве это поздно? Раньше, если он хотел перекусить поздно ночью, Чэнь Сюй без лишних слов вставал и готовил для него, будь то двенадцать или два часа ночи.

Его избаловали, и он естественным образом предъявлял различные требования к Чэнь Сюю. Цзи Чуньсяо любил знать, что Чэнь Сюй занят из-за него; это заставляло его чувствовать себя по-настоящему любимым.

Каждый раз, думая об этом, Цзи Чуньсяо приходил в восторг.

«Моя жена так сильно меня любит, моя жена так ко мне добра, моя жена готова на всё ради меня».

Чэнь Сюй всегда был таким, казалось, охотно, настолько, что Цзи Чуньсяо никогда не задумывался, устал ли он.

Выйдя, чтобы взять миску с супом, Цзи Чуньсяо ясно увидел усталость на лице тёти Ван.

Его сердце внезапно упало, словно в ледяную бездну.

Неужели только он один цеплялся за эти отношения?

Не потому ли Чэнь Сюй так резко порвал с ним, что ему было достаточно?

Эта возможность укоренилась в его сердце, процветая и душа его.

Настольная лампа всё ещё горела, под ней лежал блокнот.

У Цзи Чуньсяо всегда была привычка вести дневник, хотя записи были едва ли подробными, обычно всего несколько случайных строк в день.

В этой тетради было много пустых страниц, её только начали, но в его прошлой жизни она была почти заполнена.

Девяносто процентов записей в дневнике Цзи Чуньсяо были о Чэнь Сюе.

Он закрыл глаза, вспоминая содержание записей своего дневника из прошлой жизни, в основном такие вещи, как:

«21.10. Моя жена связала мне шарф».

«14.02. День Святого Валентина, жена приготовила сюрприз, мне понравилось».

«17.05. Жена собрала мои вещи в командировку, здорово иметь жену».

...

Это были личные мысли самого Цзи Чуньсяо, невероятно искренние и сокровенные.

Ему нравилось записывать эти маленькие поступки; каждый раз, видя, как Чэнь Сюй что-то делает для него, он не мог не чувствовать себя счастливым.

Но оглядываясь назад сейчас, он с ужасом осознал, что это всегда был Чэнь Сюй, который отдавал, а он — получал.

Их изначальные роли были настолько укоренены, что Цзи Чуньсяо не адаптировался; Чэнь Сюй был не просто снисходительной фигурой, Чэнь Сюй был его супругом.

Когда пьедестал, возведённый обожанием Чэнь Сюя, рухнул, молодой хозяин с опозданием осознал, что всё это время был неправ, но Чэнь Сюй больше не хотел оставаться с ним.

Сегодня было 20 мая, улицы были полны роз, в прошлый раз в этот день Чэнь Сюй испёк Цзи Чуньсяо торт.

Но сегодня была только холодная ночь и дождь.

Цзи Чуньсяо открыл свой дневник и написал:

«20.05. Три закона Чэнь Сюя — ложная теорема; он не любит меня, мой мир потерял свои фундаментальные законы, как я должен теперь функционировать?»

<http://bllate.org/book/12913/1133997>